

Режиссер театра “Мимоза” Ольга ПРОХОРОВА: “Слушаю сердце и чувства. Они редко подводят”

12.07.2013

Когда встречаешь этого светлого человека, кажется, в твоей душе начинает разгораться костер радости и праздника. Просто оттого, что тебе посчастливилось его встретить.

“Зажигать солнце” — наверное, так можно выразить смысл жизни художественного руководителя, режиссера и актрисы интегрированного театра “Мимоза”, художника-постановщика Молодежного театра эстрады, педагога-организатора Белорусского республиканского театра юного зрителя Ольги Прохоровой. Зажигать солнце в себе, чтобы распространить радость вокруг себя и быть способной делать еще больше. Зажигать солнце в талантливом муже-музыканте, который, к сожалению, не может его видеть своими глазами, и в маленькой дочурке, чтобы та с детства поверила — жизнь прекрасна. Зажигать солнце в детишках, с которыми она работает в театре, и в людях с группой инвалидности, которые наравне со здоровыми, в полную силу, как настоящие профессионалы, играют в экспериментальном театре “Мимоза”, — чтобы улыбались, верили в себя и стремились к новым свершениям. Сегодня “человек, зажигающий солнце”, Ольга Прохорова — в гостях у “НГ”.

— Ольга, вы руководитель театра, режиссер, актриса... А кем вы себя ощущаете больше всего?

— Художником. Я и поступала на художественное в БГУКИ. Но на бесплатное все не удавалось пройти. Расстраивалась, хотела быть дизайнером, модельером. А вот о режиссуре, актерстве никогда не думала. На специальность “социальная педагогика” поступала, надеясь, что потом переведусь на художественное. Но мне сразу там понравилось. Миниатюры, этюды, постановка голоса — атмосфера творчества захлестнула с первых дней. Еще в самом начале нам сказали, что в нашей профессии мы должны уметь все. Признаться, первое время не понимала, на кого нас учили. То ли мы должны быть режиссерами, то ли актерами, то ли психиатрами... На втором курсе сказали — выбирайте социум. Это группы риска — трудные подростки, малолетние преступники, дети из детских домов, ветераны, люди-инвалиды. С помощью творчества мы

должны были как-то менять этих людей, чтобы они не чувствовали себя изгоями, никому не нужными, не чувствовали, что их жалеют.

— И вот сейчас вы работаете в театре “Мимоза”, где часть актеров — люди с группой инвалидности. Но о каких-либо особенностях артистов зрители даже не догадываются. Такой профессиональный коллектив еще поискать надо. А как вам, режиссеру и постановщику, работается с этими людьми? Ощущаете ли вы, что они чувствуют, видят мир слегка по-другому?

— Понимаете, если забрать у этих людей удостоверение об инвалидности, скрыть некоторые внешние отличия — никто никогда не догадается, что что-то не так. Ведь они действительно талантливы. Моя изначальная задача — подать человека красиво, со всеми плюсами. Если есть какие-то недостатки — скрыть их. Я долго изучаю артистов, смотрю, что каждый из них может. У нас работает Александр Рязанцев. Поначалу несерьезно отнеслась к нему. Мало того, что образ классического Квазимодо, так еще говорит и двигается плохо. Ну куда в театр? А я очень серьезна в подборе артистов. Если у человека нет способностей, зачем мучить и его, и себя? Нет театральных способностей — находим другое занятие.

Решила поработать с Сашей, проверить, на что он способен. И вот в тренингах я заметила — он может просто сидеть, молчать и держать тебя во внимании, притягивать невероятно своей душой, энергетикой. А это дорогого стоит. К тому же он такой старательный, ответственный. Да, принца не сыграет. Если только заколдованного. Или героя а-ля Квазимодо. К примеру, в мюзикле “Дыши со мной” Саша играет покалеченного судьбой Дрогона. Зрители уверены, что на сцене — искусно загримированный актер. Ему аплодируют, его принимают таким, какой он есть. При этом у человека растет душа, он взрослеет. Если бы люди увидели его в театре, а потом встретили в транспорте, отношение было бы другое, было бы больше уважения.

— Как вам кажется, много ли времени еще пройдет, пока в обществе изменится отношение к инвалидам, когда к ним будут относиться как к обычным людям? Меняют ли ваши спектакли что-то в этом направлении?

— Я хотела бы этого. Мне не хочется слышать: “Какая ты молодец! Ты с инвалидами работаешь”, а когда говоришь: “Придите на спектакль!” — “Не-не. Не придем”. В обществе не говорят о том, что существует сильное разделение инвалидов. Есть люди без сохранного интеллекта. Они могут вы- глядеть, как некоторые актеры из моего театра, но им абсолютно безразлично их положение. Они не могут сравнивать, анализировать. У них нет зависти, не возникает вопросов: “Почему я такой, а она такая?” И их это спасает. Это боль родственников, организаций, государства, но не их. Ты уделяешь им внимание, приносишь коробку конфет — им этого достаточно. Они радуются как дети. И люди думают: им ВСЕМ этого достаточно. Но нет. Есть очень талантливые люди с группой инвалидности. Ведь большинство из них когда-то были здоровы. Пока у них нет внешних проявлений, к ним относятся нормально. В ином случае приравнивают к той половине, о

которой я рассказывала. А им мало “коробки конфет”. Они хотят проявлять себя, общаться, хотят семью. Большинство из них не получает этого в жизни. А театр заменяет им утраченное.

— В репертуаре “Мимозы” — и детские спектакли, и театрализованные концерты, и даже настоящий мюзикл. Что вдохновляет вас на смелые творческие решения?

— К сожалению, нет возможности постоянно ездить за границу, чтобы впитывать зарубежный опыт. Поэтому залпом смотрю все в Беларуси. А зарубежные новинки отслеживаю по Youtube. Мне надо понимать, что я не изобретаю велосипед и делаю что-то не такое, как другие. Я действительно хочу подарить зрителю, который насмотрелся уже всего, что-то другое. Я пытаюсь нащупать воздействие спектаклей на зрителя. Искусство должно лечить душу, обволакивать, обнимать. И человек — выходить из театра с ощущениями: “Ой, хорошо. Не знаю почему, но хорошо”! Я могу ночи не спать, все что-то придумывать. Да и какая бы уставшая ни была — прихожу в “Мимозу”, сразу все включается. Потому что фанатик.

— У вас есть спектакль “Скамейка”, в которой обычная скамейка представлена как жизнь... А свою скамейку жизни как бы вы описали и какими красками раскрасили?

— Такой скамейки, наверное, не было никогда (улыбается). У меня все начинается с чувств, эмоций, они меня захватывают, поглощают. Поэтому эта была бы скамейка модернизированная, абстрактная. Никто на первый взгляд и не сказал бы, что это скамейка. Я свою жизнь постоянно анализирую. Понимаю, что много успела сделать. Но оно происходило не потому, что надо было, а потому что шло. Так у меня и в любви было. Не ищешь. А оно приходит. И ты все меняешь. Потому что от этого зависит, как дальше пойдет жизнь. Если я нечестная, неискренняя сама с собой, то у меня тут же наступает остановка, мне плохо. Стараюсь слушать больше свое сердце, чувства, они редко меня подводят. Если делаю то, чего не хочу, буду мучиться я и будут страдать люди, которые рядом со мной. Сколько вопросов, осуждений было, когда вышла за Лешу: “Зачем она это сделала? Зачем вышла за незрячего?” И теперь они есть. Я сразу говорю — вы пообщайтесь с человеком, поймете зачем. Во-первых, он видел раньше, во-вторых, он очень интересный, в-третьих, он мне подходит (Алексей Кречет — талантливый рок-музыкант, актер театра “Мимоза”, лауреат многочисленных международных конкурсов, стипендиат президентского фонда. — Авт.).

— Так часто бывает, что не с первого раза получается найти, понять эту настоящую любовь. Как у вас произошло, как осознали, что “оно!”?

— Это ощущение... будто ты человека уже знал, но давно-давно не видел. И вот он заходит, и ты так соскучился по нему, так хочешь его обнять. А это незнакомый на самом деле человек. А душа бежит, и улыбка до ушей... и взрыв! Слышишь голос, видишь улыбку, ямочки, руки... Будешь сидеть, смотреть, и ничего не надо. Ты понимаешь, что с этим человеком тебе хорошо, ты наполнен полностью, никто и ничто тебя не интересуется. Не

интересует статус этого человека, сколько у него денег, есть ли у него машина, что он может тебе дать. Даже не интересует то, любит ли он тебя на тот момент. Все равно. Точно так же Лешу привлекла я своим голосом и энергетикой. Теперь только вместе.

— Сегодня, когда есть уже опыт семейных отношений, вы уже четвертый год женаты, и плод этих отношений — прекрасная дочурка, как бы вы ответили на вопрос, что главное в семье?

— Ценность семьи переходит из поколения в поколение. И в какие-то кризисные ситуации человек живет по сценарию, заложенному родителями, даже если он был не согласен с ним и говорил, что так не будет жить. Поэтому самое главное — достойно нести себя в семье, чтобы был пример детям. Буду неискренняя, если скажу, что у меня в семье безумно хорошо, порядок во всем. Это неправда. И этого не будет никогда. Самое главное, чего мы добились с Лешей, это уважение ребенка к нам. Дочка уважает папу, который не видит, и берет на себя ответственность, когда гуляет с ним. Она все понимает и не стесняется его. Добились того, что со стороны к нам больше уважения, чем осуждения и слов “Какие-то ненормальные” или “Она какая-то странная, раз пошла на это”. Каждому свое. А я прохожу ночью возле кровати, когда все спят (а я еще работаю), посмотрю на них: “Какие же они хорошенькие, как же я их люблю. Этого могло бы не быть”. И вздохну, счастливая: “Как же хорошо...”

[Людмила МИНКЕВИЧ](#)